

КГБ и другие стихи

Прощай. Не озирайся. Озирнись!!!*

Васьль Стус

(1938-1985, лагерный карцер)

* * *

Я считаю, что это неплохой результат.
Из двух дюжин допрошенных друзей
только двое раскололись.
Валерий Николаевич угодливо дал
прочсть их показания.
Сначала Ларины.
Но она была совсем девчонка,
любила шмотки и зналась с фарцой.
Ее прижали "спекуляцией"
(кажется, статья 154).
И зачем я давал ей "плохие книжки"?
Ну совсем не в лошадку корм.
И Митюхин.
Я его после спросил:
— Ты что, в штаны наложил
или просто сдурел?
Он ответил:
— А почему я должен был врать?
Митюхин — моралист!
Да это не курам — цыплятам на смех.
Так я и не понял: пересрал или козел.
Нет, неплохой результат.
Только двое.
Правда, после дюжину как ветром сдуло.

* * *

Внезапно стемнело.
Я притаился за водосточной трубой.
Там было промозгло и осклизло.
Зато коты так и не заметили меня.
От них шибало помойкой и подвалом.
Они важно разговаривали
и по очереди отрыгивались.
Что бы они сделали,
если бы обнаружили меня:
оскорбили? избили? забрали деньги?

* * *

Между прочим, моя-то, Галина Ивановна, на допросе
отказалась с ними разговаривать.
— Игоречка все всегда хвалили:
в школе, в университете, на службе.
И характеристики — только положительные.
А вы про него гадости говорите.
Не желаю с вами разговаривать!
Отец уже, к счастью, умер.
Он бы этого не выдержал.

* * *

Полосы света. Июль.
Самая светлая полоса
дышит рядом
на диване.
На карте для пальцев
Киев
где-то рядом
с Александрией.

* * *

Это была единственная искренняя фраза
Вилена Павловича:
— Подруги у вас — пальчики оближешь.
Я уж не уточнил, какие.

Интересно, сколько они меня прослушивали?
Месяца три? Полгода?
Кто у меня тогда бывал?
Представляю, как Вилен Павлович и Валерий Николаевич
прокручивали записи.
Потели? Краснели? Пыхтели?

* * *

В первое утро ареста
майор приказал принести в камеру
оба тома "Войны и мира",
чтоб знал,
что времени навалом.
Но это только утром
такое счастье: родные голоса,
французский с русским попеременно,
одышка Пьера, поцелуй Наташи.
Дурак-майор, нашел чем запугать,
но это только утром,
а пока

* * *

Я позвонила папе на работу
и спросила разрешение включить телевизор.
В это время шли мультфильмы.
Папа сказал, что он занят и что включить можно.
Я спросила:
— Чем занят?
Он ответил:
— Допрашиваю, детка.
Я ничего не поняла,
но телек сразу включила.
Девочка, ты выросла?
Папа допрашивал меня.

* * *

Поздно вечером
в гастрономе

я увидел их всех
сразу и поодиночке.
Электрический лютый свет
обтекал скулы, спитые глаза,
лица хорошо поработавших убийц.
Рядом, покачиваясь, как водоросли,
стояли на тонких ногах
их полусонные дети;
их некрасивые жены
в масках из пудры и помады
били продавщиц.
Когда кто-нибудь из них
пересекал границу света,
и мое сердце сжималось,
и срывалось во мрак,
и я понимал,
что не любить их просто невозможно.

* * *

Бабушка молчала. Отец бурчал.
Мать всхлипывала.
Я целовал мамочкины алые ноготки,
фильдеперсовы колени,
пудренный носик.
Год был 1951.
Бабушка, кавалер ордена Славы,
приехала к нам в Читу,
чтобы по-тихому
выскользнуть из рядов ВКП(б).
Отец, сотрудник газеты
"На боевом посту",
тещу не сдал. Но бурчал.
Все могли на фиг загреметь.
По-моему, не худшая семья.

